

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шайб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва,
ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@gmail.com
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО «Контент-пресс»:
127018, Москва, ул. Складочная, д.1., стр. 18
Телефон (495) 648-8850

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.02.2013

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издатель-
ское, исследовательское и просветитель-
ское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 3 (1626) март 2013 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Валерий Сендеров. По тупикам отечественной мысли	2
Татьяна Артёмова. Праздничная ассамблея в Санкт-Петербурге	4
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Алексей Кулыгин. Забастовка ГУЛАГовской Воркуты	6
Семён Богатырёв. Немецкие военнопленные в СССР	9
Владимир Кантор. Неожиданный дебют Л. Ф. Ильичёва в «Вопросах философии».	14
ИНТЕРВЬЮ	
Владислав Зубок. Исторические исследования на Западе и Востоке	19
СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ	
Антон Васильев. Швеция: чему научила Полтава.	25
60 ЛЕТ БЕЗ СТАЛИНА	
Абдурахман Авторханов. На смерть Сталина	27
Михаил Бабкин. «И нашему возлюбленному и незабвенному...»	28
Виктор Грановский. Соблазн неспасительного величия	30
Михаил Лебедев. О предательстве	36
АРХИВ	
«Жить-Родине служить»	39
К 100-летию Сергея Михалкова.	39
Виктор Чебриков. «Особую активность в проведении враждебной деятельности проявляет Сендеров В.А... »	40
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Даниил Алексеев. Какой либерализм нужен России?	41
Александр Панкратов. К изучению истории НРП.	42
Иннокентий Хлебников. Красная чума укрепляется в России.	43
VIII Международный семинар по обмену опытом проведения молодёжных программ в общественных организациях и церковных приходах	45
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ	
Ростислав Полчанинов. Русские и россияне.	45
ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ	
Фридрих Евсеевич Незнанский	47
Алексей Юрьевич Герман.	48

Владимир Кантор

Неожиданный дебют Л.Ф. Ильичева в «Вопросах философии»

Скорее всего, Ильичёв печатался не раз в журнале «Вопросы философии». Не мог не печататься. Но я тогда этого не знал. И он для меня был кем-то вроде чудовища из народных сказок или, точнее, городского полудиссидентского фольклора. Персонажем из абсолютно не относящегося к живым людям слоя правителей. Вообще-то, замечал ли кто-нибудь, что даже ещё недавно попавший во власть человек превращается в нечто казённое, вроде стула обтянутого зелёным сукном? Недавно я слышал выступление чиновника, сказавшего, что он в администрации всего полгода, но печать на нём уже стояла, и слова он употреблял абсолютно чужие, ничьи, казённые.

Надо сказать, что по натуре, по жизни, в советское время я воспитал в себе принципиальное аутсайдерство. Никогда никуда не избирался, не лез даже в школьную власть. Мне хватило того, что после третьего класса меня назначили в пионерлагере командиром отряда. А потом и в пионерах, и в комсомоле увивал от всех возможных начальственных постов. Никаких протестных жестов, просто претило. Тут надо добавить биографическую подробность, что *моя бабушка была членом партии с 1903 г.* По тем временам — редкая птица. И, надо сказать, эта биографическая деталь меня часто выручала. Родители тоже были членами партии. В школе мне очень хотелось поверить в идеи, излагаемые от имени партии. Но уже слишком было большое расхождение между словами и тем, что я видел. Кажется, отношение интеллигенции к этому учреждению выражал анекдот начала 70-х: «Кто такие члены КПСС?» Ответ: «Согласные глухие». Шутку повторяли и партийцы. Это уже дул дух времени... В последний год в аспирантуре меня вынудили собрать документы на вступление в партию. Я собрал, но так и не отнёс их в партбюро. Последний шаг не мог себя заставить сделать. И в партию не вступил. Но после аспирантуры партийность взяла меня за горло. На работу беспартийный Кантор не мог устроиться. Так пробродил я от одного учреждения до другого несколько месяцев. И вдруг оказался в главном в стране философском издании.

В журнал «Вопросы философии» в 1974 году попал по протекции Мераба Мамардашвили, лекции которого я ходил слушать, а потом в послелекционных разговорах он узнал, что я без работы. И отправил в журнал, где сам работал заместителем главного редактора. Но решал не он, а главный, Иван Фролов. Опять же необходимо добавить, что и Мамардашвили, и Фролов учились в университете вместе с моим отцом. Прежде, чем взять меня на работу, Иван Фролов предложил мне отредактировать одну статью, написать отзыв на другую и показать свои публикации. В журнале

«Вопросы литературы» у меня была большая статья о Михаиле Каткове как трагической фигуре русской истории, совсем не ортодоксальная. Но, видимо, это ему и понравилось. Наконец, меня вызвали в журнал, пригласили в кабинет главного. Фролов сидел за столом, в углу в кресле сидел Мераб.

Фролов сказал: «Отзыв хорошо написали, отредактировали тоже нормально, сами писать умеете. Вы нам подходите. Последний вопрос: вы член партии?». Я посмотрел вопросительно на Мераба, тот сквозь тёмные очки смотрел на свою трубку, вертел её в руках, начал набивать табаком. И неожиданно я сообразил: «Но я же член ВЛКСМ». Я уже года три не платил взносов, а тут вспомнил, что там состоят до 28 лет. А мне ещё 27, а потом — меня оттуда никто не выгонял. Я и сказал про комсомольское членство. «Слава Богу!», — воскликнул главный редактор. И я был принят на работу.

Месяца через два случился первый намёк на необходимость инициации. Ведь, если разобраться, что такое инициация? Это, когда ты становишься таким, как все, на равных правах вступаешь в стаю. Фролов вызвал меня в кабинет: «Нам разнарядку спустили, дают одно место для вступления в партию. Я хочу, чтобы ты подал бумаги». Это был караул. Я получал уже два месяца зарплату, остаться опять без копейки не хотелось. Но в партию ещё больше не хотелось. Попробовал отшутиться: «А в какую партию, Иван Тимофеевич?» Он поднял брови: «То есть?» Продолжая свою полшутку, я пробормотал: «Я бы предпочёл кадетскую». Он оторопело посмотрел на меня, потом засмеялся: «Ладно, иди». И больше этих вопросов не было.

Но испытание было ещё впереди. Назвать ли его инициацией? Не знаю. Судить читателю.

Был такой в советское время политический деятель Леонид Фёдорович Ильичёв. Говорят, принимал серьёзное участие в разгроме выставки в Манеже в 1963 году, потом запретил фильм «Застава Ильича». Остряки хохмили, что на пути фильма встала «застава Ильичёва». Человек был весьма важный. В 1958–1961 гг. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК партии. В 1961–1965 гг. секретарь ЦК КПСС и председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС.

В конце 1974 года он был заместителем министра иностранных дел. Тут-то мне и передал Фролов его статью о советской эстетике. Добавлю, что вроде бы в журнал он обратился по праву, почти как в свою вотчину. Он был доктором философских наук, одно время главным редактором «Правды», с 1960 года — академиком АН СССР по отделению философии и права, лауреатом Ленинской премии и т.п. Всё это

я понял много позже. Нет, то, что он академик и зам. министра, я знал. Но как-то было на это наплевать. Вообще, как сейчас вспоминаю, мне чины и власть всегда были по фигуре. Никогда к ним не стремился, а потому от властных людей особо не зависел. А к моменту получения статьи Ильичёва ещё помнил, что несколько месяцев прожил без работы, что это возможно, хотя и трудно.

Названия статьи не помню, а номера журнала за 1974 год давно мною куда-то очень далеко засунуты. Но была она о советской эстетике, где все специалисты назывались поимённо и все были объявлены чуждыми «нашей идеологии»: от Михаила Лифшица, Моисея Кагана и Леонида Столовича до Михаила Овсянникова и Константина Долгова. Проскакивало там и имя Анатолия Егорова, о котором я имел смутное представление. Правда, кто-то сказал мне, что он зять Сулова.

Честно сказать, я был в растерянности. Я понимал, что журнал, очевидно, всё равно будет вынужден это напечатать. А стало быть, мне как человеку, считающему себя порядочным, придётся подать заявление «по собственному желанию». Мой лучший друг и советчик был в эти годы отец. Я позвонил и рассказал ему ситуацию. На что он сказал: «Уйти ты всегда успеешь, поговори с Фроловым, объясни ему». Я так и сделал, показав самые погромные места в статье. Фролов, надо сказать, посмотрел на меня с любопытством: «И что вы предлагаете?» — переходя с начальственно-отеческого «ты» в вежливо-отстранённую тональность. «Что? Не печатать». Он сидел за столом, я стоял рядом, показывая ему скверные места в статье. Он поднял на меня глаза. «Так сразу нельзя никому отказывать. Тем более заместителю министра. Надо попросить его доработать текст. Пожалуйста, напишите академику, где, на ваш взгляд, он не прав и почему вы с ним не согласны. Но подробно!..»

Задача была в том, чтобы не сдать вепрю, но избежать его кльков и, в конечном счёте, победить, то есть настоять на своём. Примерно я представлял, каким оружием владеет мой противник. Как потом выяснилось — очень примерно. Но этого знания мне хватило. Более того, моё непонимание субординации оказалось самым сильным оружием.

И я принялся писать: «Уважаемый Леонид Фёдорович! Я прочитал вашу интересную статью, но при этом имеются вопросы к тексту, которые требуют разъяснения. Также есть целый ряд недоумений и, на мой взгляд, неточностей, требующих исправления. Ваша критика, я бы сказал, критика наотмашь наших ведущих эстетиков, очевидно, не может быть принята журналом. Дело в том, что, ругая советских эстетиков за их непонимание “сущности эстетического” и т.п., Вы по сути дела совпадаете с нашими идеологическими противниками, тоже объявляющими советскую эстетику жалкой и ничтожной. Тем самым льёте воду на их мельницу!» Этим ходом я гордился, понимая, что чем грубее и шаблоннее, тем лучше! И так на пяти страницах, с демагогическими фокусами, которые понимал и, к удивлению своему, сумел использовать.

Но оставалась проблема... Чья подпись должна стоять в конце письма? Я поставил число, но подпись — на усмотрение главного. В конце концов, он должен это решить. Первый экземпляр я отнёс в кабинет Фролову, второй дал читать ребятам (т.е. коллегам по журналу). Друзья сказали, что, конечно, подписать должен главный. Всё же адресат зам министра, мне такое письмо подписывать не по чину. Наконец, летучка. Фролов вышел из своего кабинета, держа в руке эти пять листочков. Сел за стол, положил их перед собой. Паузу он умел держать не хуже актёра. Посмотрел на собравшихся, потом сказал, обращая ко мне: «Что ж, я в вас не ошибся. Хорошее письмо написали. Я тут пару фраз в конце добавил, а остальное без изменений». Я взял листочки, в конце текста было дописано две фразы: «Редакция благодарит Вас за сотрудничество с журналом. И готова оказать посильное содействие в доработке статьи». Я вскинул глаза, а он сказал спокойным голосом: «Будем печатать, разумеется, а вы доработаете. Отдайте Галине Францевне, чтобы перепечатала на хорошей бумаге. И отправляйте автору». Я всё же спросил, почти выкрикнул: «А подпись-то чья?» Все замерли. Фролов усмехнулся: «Как чья? Ва-ша. Вы же редактор».

Редакция дружно, хотя и немного нервно, захихикала. Потом, кажется, Володя Кормер и Борис Юдин, а может, и каждый по очереди пояснили мне, что главный тем самым оставляет себе дорогу к отступлению. Хотя и разделяет моё отношение, раз решил Ильичёву послать такое письмо. Письмо я отдал на перепечатку, его отослали адресату, и, честно говоря, дня через три я про него забыл. Молодость, другие дела. Забыл напрочь. Прошло недели две. Я вёл статью другого академика, вроде бы Маркова, не помню. Вдруг в понедельник («день тяжёлый») меня позвали к телефону, который находился перед кабинетом главного редактора, в маленькой комнатке секретариата. На редакцию было два телефона — общий в секретариате и отдельный у главного редактора.

Я взял трубку, и, прикрывая её рукой, спросил: «Кто?» Галина Францевна ответила: «Академик». «Марков?» — спросил я, почти не сомневаясь в ответе. «Нет, кто-то страшнее», — сказала она глуховато. Тогда я приложил трубку к уху и сказал: «Алло».

Далее прошу читателя понять, как происходил этот разговор, своего рода сюрреалистическая сцена, сюрреализма которой не понимал никто (это мне ясно спустя почти сорок лет). Но ясно, что Ильичёв был в шоке, он не понимал, что происходит. Крыша, наверно, у него не поехала, но задрожала. Я же не то чтобы был очень смелым, но никогда не испытывая чинопочитания, именно поэтому не лез с начальниками в конфликт, полагая это бессмысленным.

«Здравствуйте, Владимир Карлович, — сказал важный голос, — с Вами Леонид Фёдорович говорит». Абсолютно не соображая, кто бы это мог быть (Ильичёва я называл только Ильичёвым, никогда по имени-отчеству), я ответил нейтральным тоном: «Здравствуйте». А сам лихорадочно пытался сообразить,

кто со мной говорит. Заискивания в моём голосе не было, было вопрошание. Собеседник этого не понял и продолжил: «Прочитал я ваше письмо. Вы слишком оптимистически смотрите на нашу эстетику». Тогда я сообразил, с кем говорю, и начал нести какую-то словесную околесицу, которую никогда бы себе не позволил в нормальной ситуации: «Ну, знаете ли, просто по долгу службы я *держу руку на пульсе нашей эстетики*. Поэтому знаю о ней всё до нюансов и не могу с вами согласиться». Конечно, что ни фраза, то шедевр, но закурсивленная особенно. Просто врезалась в память. Ильичёв словно даже поперхнулся, но сказал: «Мне понравились заключительные строчки вашего письма, что вы готовы помочь в доработке статьи («Прав был Фролов», — проскочило в голове). Но надо бы встретиться и обсудить». И тут благодаря своему политическому невежеству я нанёс удар, сам не сознавая, что бью наотмашь, а, может, даже и в запрещённое место: «Ну, что ж, *приезжайте*. С удовольствием побеседую с вами». Это было абсолютное нарушение субординации. Кажется, он даже хрюкнул от неожиданности. И вдруг принялся оправдываться: «Вы знаете, я ведь очень занят. Может, Вы ко мне приедете, я машину пришлю. Скажем, сегодня». Стоявший рядом Володя Мудрагей (впоследствии заместитель главного редактора нашего журнала) крутил пальцем у лба и делал страшные глаза. Не понимая, что он хочет мне сообщить, я подумал, что до конца рабочего дня, то есть до шести вечера остаётся всего полчаса и куда-то тащиться мне неохота. Я совершенно не понимал, что советский (да и не только советский) чиновник работает до того времени, как ему прикажет начальник, и ответил: «Нет, сегодня я категорически не могу». Он, видимо, впал в ступор оттого, что снова субординация была нарушена. Очевидно, пользуясь словом Вольтера, я был то, что французский классик именовал ПРОСТОДУШНЫЙ. «А завтра?» — спросил он не очень уверенно. *Завтра* был вторник, мне назначила свидание среди дня девушка, которой я тогда домогался. Разумеется, я ответил, что вторник мне тоже не подходит. «А что вы скажете о среде?» — ещё настойчиво спрашивал зам. министра. Должен пояснить, что среда была так называемым библиотечным днём, когда мы имели право не ходить в редакцию, и каждый использовал его по своему разумению. Ехать в этот день к Ильичёву мне категорически не хотелось. И я опять отказался. На уже неуверенное предложение четверга я ответил согласием, в этот день обычно проходило заседание редколлегии. Оно начиналось в три часа, и идея сорваться с заседания под благовидным предлогом показалась мне разумной.

И я согласился на четверг. «Позвоните мне в десять утра в этот день», — сказал Ильичёв. А Мудрагей сказал: «Только не вздумай явиться к нему в своих болгарских джинсах. Костюм надень, если есть». «Наверно, есть», — неуверенно ответил я. С костюмами у меня всегда были нелады. Но вторую половину дня среды и утро четверга я провёл на даче, совершенно забыв о звонке Ильичёву. Домой я вернулся примерно

в одиннадцать, к часу надо было быть на работе. И тут (дома!) я вспомнил про костюм, про Ильичёва и про звонок к нему в десять ноль-ноль. Судорожно порывшись в карманах джинсовой куртки, я нашёл бумажку с телефоном академика. И, немного нервничая, набрал номер, ожидая какого-нибудь не очень приятного разговора. Телефон соединил меня с кем-то, голос, напоминавший голос домработниц из кинофильмов, спросил меня: «А кто спрашивает Леонида Фёдоровича?». Я назвал. «Я у телефона, — ответил тот же голос, но уже тоном зам. министра. — Извините, что в десять часов не мог Вам ответить. Мы министра провожали». Я вежливо ответил, что, мол, ничего страшного, что давайте договариваться о встрече. Он немного неуверенно, похоже уже, что сомневаясь в моей послушности, ответил: «А вы не могли бы мне позвонить примерно часа в два? Тогда точно и договоримся». «Мог бы», — ответил я. И, надев нелюбимый костюм, поехал в редакцию.

В редакции, как всегда, декорации менялись быстро. В прошлом номере вышла статья человека, которого в шутку звали «человек из Бангкока», он там работал. Так вот этот автор позвонил в редакцию и сказал, что приедет к концу редколлегии с целью пропить весь свой гонорар. По тем временам и тем деньгам это получалась неплохая посиделка. Редакция готовилась к этому событию, собираясь, насколько от неё это зависело, как можно скорее завершить редколлегию. Конечно, к Ильичёву ехать мне уже расхотелось. Но помнил, что в два надо позвонить. Положение редактора обязывало, независимо от того, кто был автором. Я и позвонил, но никто не подошёл.

Перед началом редколлегии рассказал друзьям, сказав, что больше звонить не буду. На что получил ответ, что время ещё есть, что «человек из Бангкока» подойдет лишь к шести вечера, что всё же позвонить надо. Началась редколлегия, примерно через полчаса, одурев от сидения, шепнул Фролову, что моего звонка ждёт Ильичёв, вышел из комнаты и пошёл в секретариат. Снова набрал номер. На этот раз трубку снял секретарь и через минуту (даже меньше) соединил меня с шефом. И состоялся разговор.

Ильичёв: «Опять был неточен. Извините. Но тут такие дела были. Чуть у нас А. (назвал он одну африканскую страну) не оттяпали, пришлось этим заниматься».

Конечно, я знал анекдот, когда на вопрос «С кем граничит Советский Союз?» ответ следовал: «С кем хочет, с тем и граничит». Но у меня хватило ума удержаться от вопроса: «А что, разве А. наша?». Хотя слова уже сыпались с языка, но сказал другое: «Понятно. Ну что же, значит, нашу встречу переносим?».

Ильичёв: «Нет-нет, я вас сегодня жду».

Я: «Я уже было решил, что вы не можете, другую встречу назначил...»

Ильичёв: «Нет-нет, я уже машину за вами послал».

Делать было нечего, я вызвал кого-то из друзей и попросил оставить мне записку, куда они пойдут пропивать гонорар «человека из Бангкока». Было уже почти четыре.

Я взял портфель вернулся в секретариат, куда был вход с улицы. Тогда-то первый раз в жизни я увидел посланца. Ещё от порога донеслось ласково-льстивое: «Где бы я мог найти Владимира Карловича?». Голос был почти умильный. Я взглянул на вошедшего. Был он не очень низенький, но совсем не казался высоким, вроде не слабый, но и впечатления силы от него не исходило, глаза были скорее бесцветные и ждущие то ли окрика, то ли приказания. И не от кого-нибудь, а от меня. Я назвал. Он подбежал, точнее, словно по паркету протанцевал с мою сторону. «Здравствуйте, Владимир Карлович! Меня за вами Леонид Фёдорович прислал». Это бесконечное потом на протяжении всего дня умильно-почтительное именование меня по отчеству в сочетании с именем-отчеством начальника как бы подчёркивало весьма уважительное ко мне отношение. Он добавил вдруг: «Машину к крыльцу подогнать не удалось, придётся ножками пройти». Я, начиная вступать в новый мир, ответил: «Что поделаешь! Долго нам ехать?» «Не волнуйтесь, — ответил он, — я вас двоиками домчу».

Теперь немного топографии, хотя я в ней и не силён. Институт философии, в котором размещался наш журнал, находился, и пока еще находится (хотя зубы точатся на здание в центре Москвы) по адресу Волхонка, 14. А Министерство иностранных дел на Смоленской. Пешком пройти двориками нормально, иногда в Смоленский гастроном мы ходили. Но на машине? Тем не менее, какие-то проулки мы проехали и вдруг оказались во дворе МИДа. «Вы меня проводите?» — спросил я шофёра. «Нет, мне туда нельзя. Пройдёте мимо часового, он предупреждён, и подниметесь на шестой этаж (точно не помню, запомнилось слово “шестой”). А там уж и Леонид Фёдорович». Прямо как наставления добру молодцу из русской сказки, как проникнуть в какую-нибудь заколдованную гору, где ждёт его не то счастье, не то дракон, не то Кощей. Как было сказано, так и оказалось. Ни о чём не спрашивая, часовой пропустил меня в холл, там сидевшие охранники, тоже не требуя документов, молча показали, где лифт. И я поехал на шестой этаж.

Тут надо представить непредставимое, вообразить невообразимое — степень моего тогдашнего политического и административного невежества. Я абсолютно не представлял, где может находиться кабинет главного, или почти главного, начальника. Никому и в голову не могло придти (ни друзьям, ни начальникам, ни холуям), что я буду идти по коридору и вертеть головой, ища по сторонам кабинет, на двери которого стояло бы имя Ильичёва. Коридор был длинный, но ни на одной двери искомой фамилии не было. Даже мелькнула мысль, что шофёр ошибся и направил меня не на тот этаж. Я уже дошёл почти до конца, прямо передо мной обозначилась дверь более массивная. Только я подумал, что это и есть нужный мне пункт назначения, как вдруг сбоку от этой массивной двери открылась другая и из не вышел, почти выскочил мужчина средних лет в хорошем и дорогом костюме, в галстуке, чисто выбритый (тут я понял, насколько

в этом коридоре неуместна моя борода) и, протягивая руку мне навстречу, воскликнул: «Здравствуйте, Владимир Карлович!» Я попытался быстро сообразить, не Ильичёв ли это, но человек сказал: «Пойдёмте, Леонид Фёдорович вас ждёт». И распахнул передо мной дубовую дверь.

За дверью была приёмная с небольшим столом. За столом сидела секретарша, которая привстала мне навстречу. Мужчина махнул ей рукой и открыл дверь к начальнику. Далее послышалось абсолютно административно-интимное: «Леонид Фёдорович, к вам Владимир Карлович!» Это как бы даже уравнивало меня с его начальником. Не редактор, а Владимир Карлович!

Я вошёл в кабинет. Стоял стол, за столом полки с книгами, по корешкам видно, что полит- и партиздат, за столом сидел человек, на мой тогдашний взгляд, пожилой, но, видно, что крепкий и цепкий, чем-то напомнил мне барбоса из мультфильма. Первая фраза, которую он произнёс, обращаясь ко мне, была несколько неожиданна, но вполне логична для крупного чиновника: «Зачем вам борода, Владимир Карлович?» Я ответил нелепой фразой: «Знаете, бритьё отнимает много времени. А дел у меня немало». Уже потом, вспоминая моё общение с Ильичёвым, я понял, что все мои фразы были нелепы и алогичны. Просто попал я совсем в другую среду, где надо было дышать жабрами, а не лёгкими.

Но Ильичёву мое косноязычие, видимо, понравилось. «Это хорошо, — сказал он, — когда человек ценит время. Многие этого не понимают. Я, например, так занят, что некогда заняться доработкой статьи». Я оценил предусмотрительность Фролова, но ничего не сказал, ожидая его вопросов. Он сделал жест рукой: «Присаживайтесь к столу, побеседуем». Я сел напротив него, он достал сигарету и закурил. Тут я вспомнил, что забыл сигареты в ящике своего стола на работе. И автоматически сказал, могу ли, мол, попросить у него сигарету. Я, конечно, ожидал какие-нибудь импортные сигареты, всё же замминистра иностранных дел, но он протянул нашу маленькую пачку сигарет «Новость», хотя и с фильтром. Я подумал: «Вот жмот». И отказался, сказав, что такие не курю. Уже через несколько дней, когда я рассказал об этом в редакции, друзья меня обсмеяли. Оказалось, что сигареты «Новость» любил курить Леонид Ильич Брежнев, и специально для него выпускалась партия таких сигарет, набитая импортным, очень хорошим табаком. Но оставалось только пожалеть о своем промахе, сделанного не воротишь.

«Ну что ж, — начал беседу Ильичёв, — расскажите мне, откуда вы такой оптимист? Что вы кончали?» Я ответил, что МГУ, а потом аспирантуру Института истории искусств. «Кто там сейчас директор?» — быстро спросил Ильичёв. «Владимир Семенович Кружков», — спокойно ответил я, понимая, что имя вполне партийное. И угадал. «Да мы с ним вместе Институт красной профессуры в тридцать седьмом закончили. Светлое было время», — скорее всего, это была ностальгия по молодости, хотя, может, и не только. Но

я, понятное дело, вздрогнул. Для меня этот год имел другую окраску.

Деталей биографии Кружкова я не знал. Знал, что в 1944–1949 гг. он был директором ИМЭЛ (Института Маркса-Энгельса-Ленина), в середине 50-х попал в дело Г. Александрова, так называемого «министра культуры и отдыха». Как шептали свободомыслы в институте, Кружков был тогда не только членком АН СССР и замзавотделом ЦК КПСС, но и участником «философского ансамбля ласки и пляски имени Александрова». Рассказывали, что в «Юманите» поместили фото оргии, тогда началось расследование, но Кружков отделался легче прочих, доказав, что девушек он не имел, а только мазал им соски вареньем. Его сослали вначале редактором уральской какой-то газеты, потом он стал профессором Уральского университета. И слышал я своего директора, будучи аспирантом, всего однажды, на каком-то научном совещании в институте, где наши интеллектуалы попытались поднять проблему отчуждения — мол, что проблема эта существует и при социализме. Неожиданно Кружков поддержал прогрессистов, сказав, что проблема отчуждения при социализме, конечно, существует, но что она решается очень просто, поскольку враждебные и антисоциальные элементы отчуждаются от общества в тюрьмы и концлагеря.

«Да, — продолжил зам министра, — хорошо, что вы мне о нём напомнили. Давно не общались. Вот оно время! А ведь дружили. Одновременно свою карьеру начали. Очень образованный всегда был, член-корреспондент всё же, директором не случайно стал. Вы можете передать ему привет?» Я пожал плечами: «Я уже почти год в институте не был. Много работы». «Ну, тогда ладно, — ответил он. — Но вернёмся к моей статье. Так что же хорошего видите в работе названных мною учёных?» Я был рад, во-первых, он назвал тех, кого он занёс в чёрный список, учёными, во-вторых, хотел выяснить, что в их работах хорошего. «Как что? — удивился я. — Это же очевидно. Верность коммунистической идеологии и отстаивание её идеалов». Он возразил: «Однако, вы оптимист». Но я был твёрд: «Просто надо знать, кто курирует советскую эстетику». «И кто же?» — спросил он, будто и не подозревал этого. Но я-то и в самом деле был уверен, что он не знает, и с торжеством человека, наводящего порядок в мозгах собеседника сказал: «Как кто? Анатолий Григорьевич Егоров». Ильичёв загасил сигарету и уставился на меня сквозь очки: «И что?» Тогда, будучи политически абсолютным невеждой и в каком-то смысле идиотом, я очень важно ответил: «Понимаете, нападая на нашу эстетику, получается, что вы нападаете на Анатолия Григорьевича Егорова, а тем самым и на Михаила Андреевича Сулова!» Он сделал вид, что слышит это в первый раз, и что это никогда ему в голову не приходило, и воскликнул: «Вот что значит, что человек на своём месте и думает о том, что мне и в голову не приходило!»

Тут я должен пояснить читателю, каковы были отношения Ильичёва и Егорова (а они были! да ещё какие!), чтобы было можно оценить сюрреализм

этой сцены. Уже много позже я вычитал, что Егоров долго был заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, т.е. заместителем Ильичёва. Когда в 1962 г. Ильичёв был произведён в академики, Егоров как его заместитель стал членом-корреспондентом АН СССР. С 1965 г. Егоров стал главным редактором журнала «Коммунист», с 1974 г. директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и полным академиком. Он был бессменный председатель Научного совета по эстетике при Президиуме АН СССР, а потом и президент Российского эстетического общества. Конечно же, Ильичёв всё это знал, да ещё как. А передо мной валял ваньку.

Что же это было? Не знаю. То ли он хотел приоткрыть Егорова и впрямь подзабыл в азарте, что у того слишком мощное родство, то ли испугался, что *идиот* из «Вопросов философии» может как-то дать знать Сулову о его промахе. Во всяком случае, возражать он не стал, наоборот. Очень даже вежливо попросил заняться редактурой его статьи и поинтересовался, сколько времени может занять эта редактура. А я сидел и злился, что пьянка с человеком из Бангкока уже идёт, и идёт без меня. И я ответил, глядя на него с иронией ничего не понимавшего юнца: «Не знаю, как пойдёт». Тогда он сделал жест, который, по его представлениям, должен был меня осчастливить. «Знаете, — сказал он, — я готовлю из моих статей последних лет книгу. И непременно в конце книги выражу вам благодарность за помощь при подготовке материала к этой книге». Почти не задумавшись, я твёрдо отказался: «Не надо! Что вы! Это просто моя работа, моя обязанность». Слишком я высокого мнения был о себе и живо вообразил позор на всю жизнь, позор подготовки книги Ильичёва, позор, который потянется за мной навсегда. Думаю, он был поражён, но, скорее всего, приписал моей скромности: «Ничего, не боги горшки обжигают. И ваш труд пригодился Ильичёву. Раньше-то вы, небось, Ильичёва только издали на трибунах видели, а теперь вот сидите за одним столом». Надо сказать, что на демонстрации я с детских лет, когда меня брали с собой родители, не ходил, и по телевизору эти действия никогда не смотрел. И искренно и простодушно ответил: «Честно говоря, я вас первый раз вижу». И этим, кажется, обидел и оскорбил академика. Но он сдержался. «Что ж, всего доброго. Но машину я отпустил». Торопясь уйти, я не очень вежливо ответил: «Ничего, я и на городском транспорте доберусь».

Рассказ мой о визите был живописен, но Фролов поинтересовался, чем закончился разговор. Я ответил, что сошлись на том, что я редактирую текст. «Когда закончите редактуру, позвоните ему. Даже если не успеете закончить, всё равно недели через три позвоните, расскажите ему, как идут дела. Так надо». Я кивнул, но, видимо, в душе сидела такая идиосинкразия к этой истории, что я просто забыл про обещание позвонить. Через месяц Фролов напомнил мне о звонке. Не долго думая, я соврал, что звонил и не смог дозвониться:

«Может, в Китай уехал?» — добавил я, прекрасно понимая, что проверить меня невозможно. Но в начале сентября мне позвонил сам Ильичёв и спросил, как его статья. Растерявшись (а я даже не прикасался к ней), я ответил опять какой-то дикой фразой: «*Проходит предварительную обдирку*». Он растерянно ответил: «Хорошо, это хорошо».

Но уже в начале октября меня вызвал к себе в кабинет Фролов и сказал: «Хватит в игрушки играть. В двенадцатом номере статья Ильичёва должна выйти». Если кто редактировал написанный казёнными словами и оборотами текст, тот понимает, что править стилистически его немисливо, можно только вычёркивать. Консистенция подобных сочинений такова, что абзацы и страницы сами сползаются, будто ничего оттуда и не было вынута.

Статья вышла в двенадцатом номере. На последней летучке перед Новым годом Фролов произносил поздравительную речь, уделив несколько минут и моей истории со статьёй Ильичёва: «Особо должен отметить работу нашего молодого сотрудника. Ильичёв

передаёт ему персональную благодарность за тщательную работу над его текстом. А я не могу не поздравить Кантора с тем, что он сумел держать в руках, насколько это было возможно, самого Ильичёва, который, в конце концов, даже не был уверен, что Кантор пропустит его статью, — Фролов рассмеялся. — Он уже у меня спрашивал, каково происхождение Владимира Карловича и тому подобное. Я сказал, что он может не беспокоиться: очень хорошая семья, его *бабушка член партии с 1903 года*. Кажется, Ильичёв не поверил, но замолчал».

Фролов, конечно, понимал, с кем я связался и на кого наускаивал, человек он был весьма опытный, прошедший школу партийного аппарата, но, видимо, его забавлял абсолютно мальчишеский задор его сотрудника, не осознающего веса и значимости своего противника. И он поддержал сотрудника, *прикрыл его*. Другого объяснения у меня нет. Уже после того, как Фролова убрали с поста главного редактора, Ильичёв печатался в журнале без проволочек, да мне не доверяли вести его тексты.

ИНТЕРВЬЮ

Владислав Зубок

Исторические исследования на Западе и Востоке

О развитии исследований Советского Союза в России и за рубежом, разнице в российских и западных академических подходах с профессором университета Темпл в Филадельфии, стипендиатом Центра Вудро Вильсона, а с мая 2013 года — профессором Лондонской школы экономики, автором многих книг по истории Холодной войны и советской культуре Владиславом Мартиновичем Зубоком беседует Александр Гогун.

— **Расскажите, пожалуйста, о Вашей трудовой биографии.**

— Родился в Москве, поступил на истфак МГУ в 1975 г., в 1980-м закончил его по специальности «американист». Точнее, наша специализация была «преподаватель средней школы со знанием английского языка», но мы гордо считали себя американистами. Потом в том же 1980-м был принят в аспирантуру в Институт США и Канады Академии наук и через три года защитил там кандидатскую. После этого был зачислен младшим научным сотрудником и проработал в Институте США и Канады до 1992 г.

С 1987–1988 гг. начались перемены не только в стране, но и в моём выездном статусе: я смог попасть в США в 1987 г. Через год я уже был включён в делегацию советских историков для участия в конференции по Холодной войне в Университете Огайо, где присутствовали все «киты» американской исторической науки. Конференция сыграла счастливую роль в моей судьбе. После этого меня пригласили преподавать в несколько разных научных центров — в качестве приглашённого профессора. Так состоялось моё первое знакомство с американской системой образования, американской интеллектуальной и общественной

жизнью. Я преподавал в Стэнфорде, Анхерсте, и потом попал в Институт современной международной истории в Афинах (Огайо). Я, помнится, страшно удивился: как в этих крошечных, никому не известных Афинах, в Огайо вдруг образовался Центр международной истории. А произошло это потому, что во главе Института стоял Джон Гэддис — известнейший историк Холодной войны.

Когда рухнул Советский Союз, я начал активно искать гранты, работу за пределами постсоветского пространства. Мне повезло — я оказался включённым в международный проект по истории Холодной войны, который был создан молодым учёным Джеймсом Гершбергом в Центре им. Вудро Вильсона в Вашингтоне. Мы работали в открывшихся партийных архивах в Москве, провели первую конференцию, где люди выступали с анализом новых архивных документов. Мои контакты в американской университетской и академической сфере расширились, и в 1994 году мне предложили работать в негосударственной организации, которая называется «Архив документов по национальной безопасности». Это чудесная группа исследователей, которая вот уже тридцать лет пользуется законом «О свободе информации» США для того,